

В МОСКВУ из Петербурга впервые на столь длительный срок с гастролями приехал Малый драматический театр. Его давно называют по имени основателя, народного артиста России Льва ДОДИНА. До 25 июня на двух сценах на Таганке - 6 спектаклей: "Братья и сестры" по Ф. Абрамову, "Бесы" по Достоевскому, "Пьеса без названия" и "Дядя Ваня" Чехова, "Чевенгур" А. Платонова, "Московский хор" Л. Петрушевской.

*Архивенко и др. факты
- 2004 - июль (№23)
- с. 22*

Лев Додин:

«Авторского театра не осталось»

Умное - не значит скучное

- ЦЕЛЬ наша - показать взросление театра, а не просто череду спектаклей. Привезли старые работы - "Братья и сестры", "Бесы", потому что сами их любим. Интересно пролевать им жизнь, потому что каждый рожден, а не просто поставлен. Если спектакль рожден - в нем уже заложен код роста. Он выпускает в себя время, возраст, новый опыт.

Плюс когда это настоящая литература - Достоевский, Чехов, Абрамов... И каждый показ спектакля в другом городе или стране - премьеры. Наши гастроли - это такая история для любителей. Но ведь все в театре делается так или иначе для любителей. К тому же лето, жарко, а спектакли у нас есть очень длинные, "Бесы" - 9 часов, это целый день, такое духовное приключение для зрителя...

Но зачем люди вообще ходят в театр? Думаю, за тем, чего им не хватает в жизни. Например, в театре можно сострадать проститутке. В жизни к ней относятся или с презрением, или с возмущением. В театре же пусть хоть на секунду, но в человеке может проснуться человечность. А это не так мало в жизни - СЕКУНДА! Театр - это не только беспокоящее, но и беспокойное место, и это замечательно, пока он не превращается в суетность, не начинает размышлять поверхностно. Театр как можно меньше должен сражаться с быстротекущей жизнью, социально-общественной действительностью. У нас в стране социальность изнасила театр, ведь приходилось пытаться быть искренними по поводу навязанных тем, героев, все время думать о цензуре, о соцзаказе. И потому советское искусство ко времени распада советской власти лишь доживало свои дни, а вовсе не рухнуло в одночасье. Те, кто не только существовал, но и рос, и сохранял искусство театра - Любимов, Эфрос, Ефремов - работали на энергии сопротивления.

Сегодня есть другая опасность - коммерция. На Западе коммерческое не отождествляется с серостью. У нас сплошь и рядом. Мы сами обеспечиваем людей "играми", а потом говорим, что им нужны только "игры", ничего более не предлагая. У нас часто умное, серьезное, философское тождественно скучному. И такая ситуация не только у нас. В Англии видел спектакли, на которые не ходит широкая публика, но это не значит, что они - интеллектуальные, умные, и я бы на них тоже не ходил.

Чехов, и не только

ЧЕХОВА ставят очень много, и у нас идут "Пьеса без названия", "Чайка", "Вишневый сад", теперь "Дядя Ваня". Может быть, обратимся, если рискнем, и к "Трем сестрам". С Чеховым не хочется никак расставаться. У меня ощущение от его произведений, как от близкого, личного, что дает тебе самому что-то понять в себе, в жизни. Чехов непостижимо оказывается нужен всегда, когда к нему обращаются, и времени, когда бы

он не был востребован, не было. Есть в нем человечность и такая мощь тоски по вечным нерешаемым вопросам жизни и смерти, Бога... Мало кто ощущал бренность жизни и необходимость в то же время этой бренности противостоять. Его истории очень интимные, но тем они более оказываются всеобщими, универсальными, общечеловеческими. Не потому ли ставят и ставят Чехова не только у нас - повсюду в мире?

Сегодня, к сожалению, уже почти не осталось театров, которые были бы Домом, авторского театра не осталось, такого, каким был театр Любимова, Товстоногова, Эфроса. Сейчас трудно представить молодым, чем был для нас когда-то "Современник". До сих пор, проезжая мимо памятника Маяковскому, с удивлением смотрю на маленькую площадку, на месте которой размещалось сорок лет назад первое здание "Современника": и эта маленькая площадка вмещала в себя целый огромный мир! ...Студентом я чудом попал на выпускной студенческий спектакль Любимова "Добрый человек из Сезуана", ставший потом первым спектаклем "Таганки". Помню, как худенький человек в сером костюме стоял у лестницы, пожимая проходящим на спектакль руки: "Спасибо, что пришли". А через несколько лет на его спектакле "Павшие и живые" в его театре увидел огромного человека в свободной джинсовой куртке, как будто выросшего раза в четыре... Хороший, добрый театр-дом - это всегда семья, где и ссорятся, и уходят, и возвращаются. И мне нравится во всем этом жить вместе с актерами. Бывают, конечно, и разочарования, но чаще они сменяются очарованиями. Театр-дом, думаю, - это единственный в конечном итоге способ существования в искусстве. Должны быть корни у театра, у актера, хоть актер и "цыган" по сути - отыграл, скатал коврик и дальше, и потому мы с нашим театром так много ездим. Но, опять же, нам есть куда вернуться. А когда у театра, у актера лишь "точечные" приложения сил, когда поточная система преобладает - тогда и искусство соответственное.

Любовь и опера

В ПОСЛЕДНЕЕ время я ставлю оперы. Многие режиссеры с годами обращаются к ней - и Тарковский, и Любимов, и Кончаловский... Когда смотрю оперные спектакли, бываю, скучаю и полусплю. Поэтому слушаю запись. И думаю: почему такая мощная музыка - и такая тоска бывает на сцене? Зато какое сильное потрясение, когда хороший певец хорошо играет, большее, чем в любимой мною драме! Я ставил "Электру" с Клаудией Аббадо по его приглашению, "Пиковую даму", недавно - "Саломею". В "Электре" одной замечательной певице, исполнявшей партию Клитемнестры, я несколько раз подробно объяснял, что ей играть и как. Она внимательно выслушивала - и тут же делала опять то же самое. А прекращать каждый раз пение великой певицы - рискованно и ответственно. Наконец услышал: "Вы что, действительно хотите, чтобы я так это сыграла?" И понял, что все всерьез, она час сидела не двигаясь, думала. И результат был потрясающий! Но уж когда плохо играют в опере - это хуже, чем в самом плохом драматическом спектакле.

Мой недавний 60-й день рождения мне хотелось пережить и в прямом, и в переносном смысле. Мне кажется, что ничего во мне не изменилось существенно с тех пор, когда я был студентом, тюзовцем (служил в Ленинградском театре юного зрителя. - Авт.). Я все тот же человек. Конечно, с возрастом понимаешь многое лучше. Но, к сожалению, уже поздно. Я люблю, конечно, театр, это беспокойное место. Но между тем покой - великая вещь. Вырваться из привычного, беспокойного - это и есть для меня отдых. Тогда-то и приходят лучшие мысли.

Записала Марина МУРЗИНА
Фото Валерия ХРИСТОФОРОВА